

МИРЫ ЮРИЯ КОПЕЙКО

Юрий Копейко вошел своим искусством в блистательный ряд нескольких поколений русских иллюстраторов и оформителей детской книги, творчество которых охватывает 1920-е - конец 1980-х годов.

Его детство пришлось на годы войны. Он был среди тех мальчишек, для которых не только единственной темой рисования, начиная уже с детского сада, были сражения «наших» с немцами, но и чья жизнь была наполнена обостренным интересом к покорению Северного полюса, челюскинской эпопее, «беспосадочным перелетам», строительству авиамоделей и разудалым дворовым играм.

Этот бесценный опыт Юрий Копейко сберег и приумножил в своих книгах; «своих» - потому, что он выступал на равных правах с литературными авторами (им оформлено более ста изданий). Он открывал ребенку мир с необъятными пространствами и увлекательнейшими перспективами. Иллюстрации Копейко пронизаны духом «реальной романтики». Если суммировать все сделанное художником в иллюстрировании книги, то в общем создается достаточно полная картина жизни нашей страны почти за половину века. Но, в первую очередь, Копейко увлекала литература, связанная с извечным, страстным стремлением человечества ко всему новому, необычному, что движет научно-технический прогресс. Путешествия в дальние страны и в глубь научного поиска, корабли и самолеты, особая увлеченность освоением Космоса — вот содержательная основа художественных достижений «книжника» Юрия Копейко. Но, как говорит сам художник, к началу 1990-х годов он потерял интерес к книге. Обладая универсальным дарованием, Юрий Копейко всегда много работал в станковой графике и живописи, и именно живопись в прошедшее десятилетие полностью завладела его творческими интересами, а многочисленные выставки были показаны в России и за рубежом. В своих картинах Юрий Копейко свободен от каких-либо заметных влияний, чужд живописной экстравагантности. Это его стиль, его почерк, выработанный путем долгих наблюдений и размышлений на протяжении всей богатой событиями жизни. В его живописи нет умозрительных сочинений. Она всегда связана с натурой, но для каждого сюжета находится соответствующий изобразительный язык при сохранении общего единства стиля. По сути, это дневник, в котором преобладают лирические и философские интонации.

В живописи Юрия Копейко предпочтительное место занимает пейзаж средней России. Традиционные сюжеты (таковы законы жанра) увиденны и осмыслены зрением и чувством художника, неравнодушно переживающего вза-

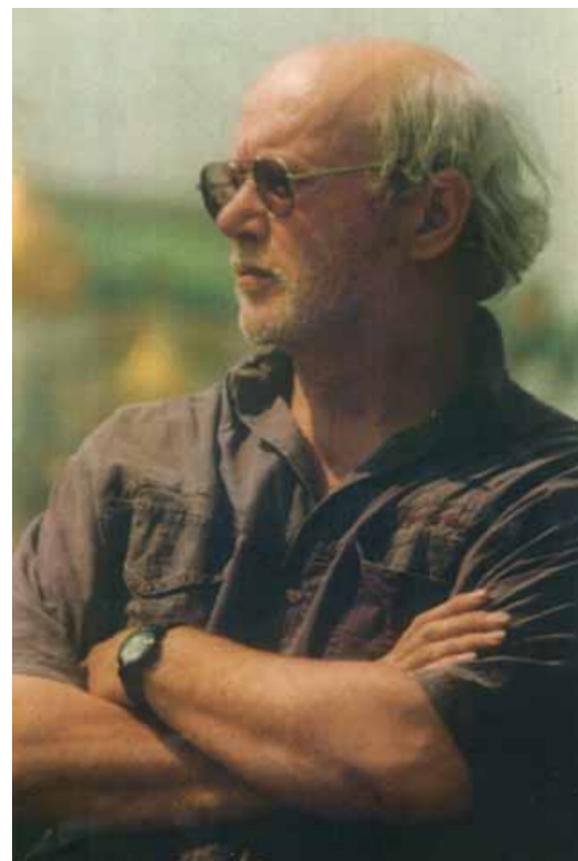
имосвязи и пересечения жизненных коллизий современности. Это ослепительно зеленое лето, осеннее увядание и тихая зима, все оттенки годового цикла, но отнюдь не отвлеченные «картины природы». Здесь всегда ощущается присутствие человека, непрестанное движение жизненных сил. Пейзажи Копейко составляют единый многообразный цикл, трудно отдать предпочтение какому-либо из них.

В своих странствиях Копейко объездил все наши края. Побывал и в более чем тридцати зарубежных странах, и почти все они нашли отображение в его живописи и графике. Они наделены, само собой разумеется, иным характером, нежели созданные в родных землях. Эти работы не имеют ничего общего с «туристическими впечатлениями». Каждая из картин является законченной живописной новеллой, передающей размышления об исторических и культурных событиях, связанных с определенным местом. Палестина Юрия Копейко пронизана переживанием художником древних библейских текстов. В композиции «Гробницы пророков» тысячелетия запечатлены в руинах архитектурных массивов, где под влиянием времени строительный камень превращается в свое первозданное природное состояние. В пейзаже «Генисаретское озеро» поверхность воды и дальние горы сами по себе, кажется, излучают необъяснимый физическими законами свет.

Особая удача художника — полиптих «Центр "Бобур". Париж». В нем выражен не просто фиксирующий натуру взгляд живописца на «нарушающую» все традиционные каноны авангардную архитектуру, но его размышления о реальных и вымышленных противоречиях современной культуры. Стремясь образно разрешить их, художник претворяет технический чертеж в пространстве, каковым по сути является комплекс «Бобур», в живописные композиции, где причудливые объемы и цветовые контрасты гармонично соседствуют с изображением уголков старого Парижа или противостоят им. Каждый зритель может решать эту задачу сам.

Нельзя не сказать и о творческом кредо Юрия Копейко, которое он формулирует так: «Русские художники — счастливые люди. Прежде всего, по двум причинам. Во-первых, потому, что опираются на могучие плечи своих предшественников — Рублева, Иванова, Сурикова, Врубеля и многих других замечательных художников. Во-вторых, потому, что родились и работают в России. Красота и многообразие нашей страны — это постоянный источник вдохновения».

Михаил Лазарев

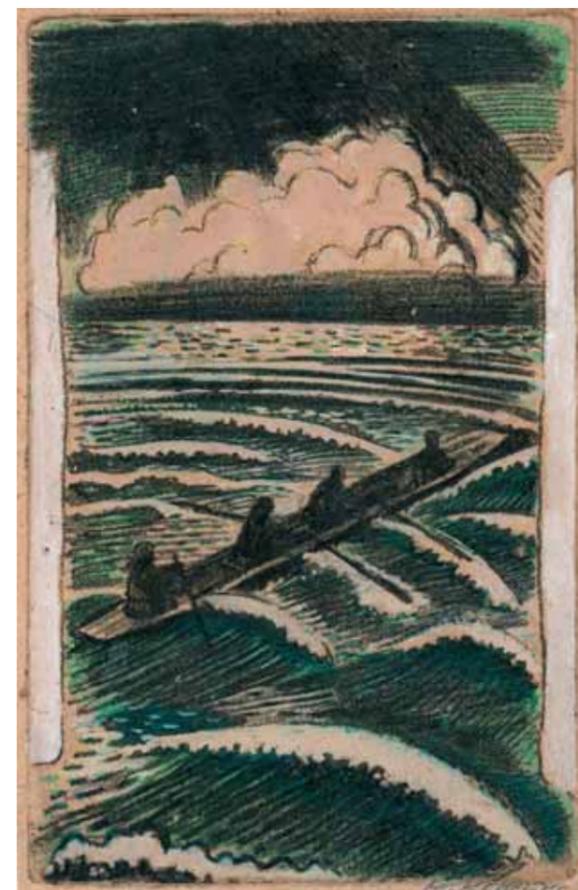
"Старые бани". Б., кар. 1966

Илл. к повести Ч. Айтматова "Белый пароход". Офорт

Илл. к повести Ч. Айтматова "Белый пароход". Офорт

Илл. к повести Ч. Айтматова "Белый пароход". Офорт

О Ю.В. КОПЕЙКО

"Весна в Париже". 2001

В свои 76 лет Юрий Васильевич Копейко был по-юношески полон творческими замыслами, горел желанием как можно больше работать, ещё глубже постигать тайны живописного мастерства.

С точки зрения обычной житейской логики трудно понять, как случилось, что художник-график, давно получивший заслуженное признание как иллюстратор и оформитель книги, «вдруг» безоглядно увлёкся другой музой – живописью с её пленительной магией цвета. У него возникло настойчивое желание не быть связанным с литературным сюжетом, выйти на «живописный простор».

Все основания для этого у него имелись. По природе своей он был человеком широко открытым навстречу жизни, любознательным, романтичным, активным, жаждущим ярких волнующих впечатлений. И, конечно, следует принять во внимание его творческий потенциал, его способность к развитию своего дарования в желаемом им направлении.

Иллюстрации к «Белому пуделю» А. Куприна, к повестям Чингиза Айтматова, одного из любимых писателей Юрия Копейко, дают яркое представление о том, в каком именно направлении развивалось его творчество, что для него с профессиональной точки зрения стало наиболее значимым.

Фантастика его никогда не увлекала. Будучи ребёнком военных лет, он издавна испытывал интерес к теме космонавтики, к книгам на историческую и военную тему.

Теперь, по прошествии времени, эти книги обрели не только художественную, но и документальную ценность.

Тема космонавтики давно и прочно вошла в творческую жизнь Копейко и в прошедшее десятилетие завладела им с особой силой.

Свою последнюю грандиозную работу – живописную серию, состоящую из 25 крупномасштабных полотен, художник посвятил истории пилотируемой космонавтики. Она звучит как возвышенная героическая поэма в честь могущества разума и силы человеческого духа.

Наряду с картинами крупного размера Юрий Васильевич постоянно был занят работой над пейзажем. Преданно любящий природу, чуткой душой художника он стремился правдиво выразить свой восторг от увиденного и пережитого. В таких работах талант Юрия Копейко – живописца раскрывается наиболее полно и разнообразно. В них он давал себе полную волю в решении волнующих его чисто профессиональных задач – пространственных и колористических.

Мне посчастливилось быть свидетелем работы Копейко на Святой Земле. Видела, как он в буквальном смысле слова преображался, даже внешне, во время создания этой своей замечательной серии. И откуда-то у него брались силы, чтобы по жаре, с тяжёлым этюдником и красками тащиться пешком, далеко, на заранее облюбованное место, а потом, иногда через несколько часов, возвращаться с уже готовой работой. Эта серия кажется мне у Юрия Васильевича особенно вдохновенной, наполненной высоким смыслом духовного бытия.

«Каждая работа любима, потому что выстрадаана, в неё вложены и душа, и сердце» – эти слова Юрия Васильевича Копейко, сказанные им по поводу произведений, показанных на его юбилейной выставке, могут послужить магическим ключом для понимания сути его творческого кредо и всего его жизненного пути.

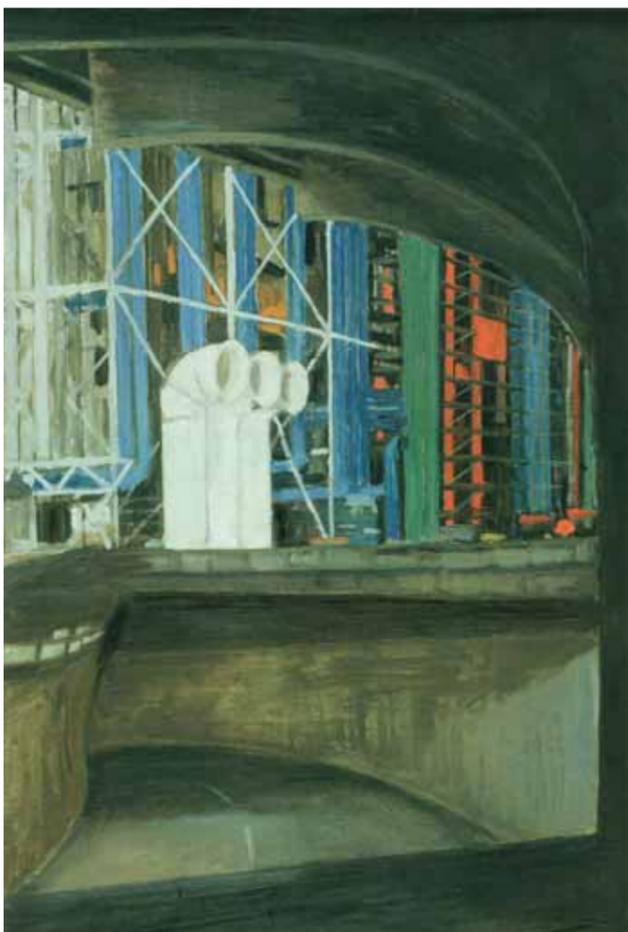
Татьяна Курочкина

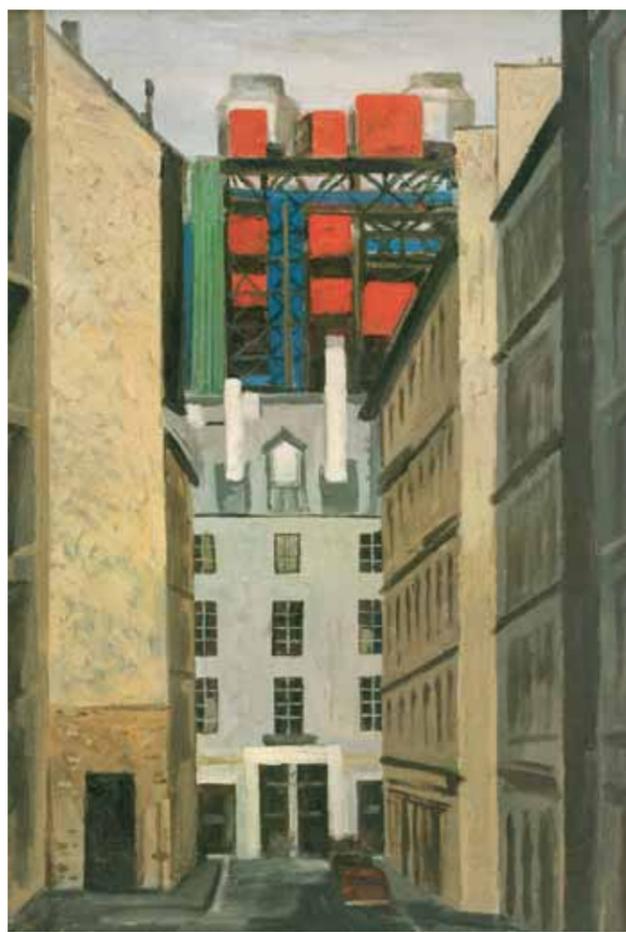
"Разлив Сены". 2001

"Парижский пейзаж". 2001

"Париж. Бобур" (1). 2001

"Париж. Бобур" (2). 2001

"Париж. Бобур" (3). 2001

НИКТО, КРОМЕ НЕГО

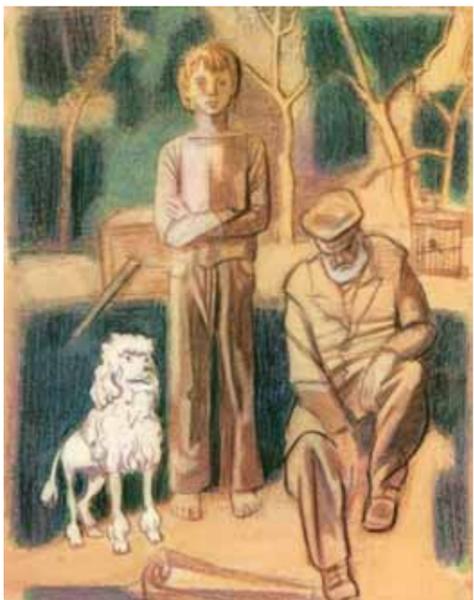

Илл. к повести А. Куприна "Белый пудель". 1990

Ранним утром пятого января художника Юрия Копейко не стало. Он погиб от удара в висок проходящего мимо автомобиля возле дома на Старой Басманной, где была его мастерская. Ему исполнилось семьдесят шесть.

Но время не властно над художником. Совсем недавно он натянул свежий холст на новый подрамник, чтобы писать задуманную картину, а на стенах развесил свои работы и работы жены, известного художника Галины Макавеевой. Он мечтал собрать друзей и показать ими уже сделанное.

Мастерская была его вторым домом. В ней он проводил едва ли ни большую часть жизни. Московские художники, особенно книжники, знали ее хорошо. На этом длинном, любовно обустроенном чердаке большого, когда-то доходного дома, где в укромном уголке висит над одним из рабочих столов красивая фотография жены, любили собираться художники, чтобы посмотреть и обсудить работы, посетовать на трудное житье-бытье, а то и попросить помощи - благо хозяин был щедр на любую поддержку. В более молодые годы шумно отмечали юбилеи.

Илл. к повести А. Куприна "Белый пудель". 1990

Помню, как в день своего сорокалетия Юра сидел во главе растянутого почти во всю мастерскую обильного стола - в красной рубашке, молчаливый и значительный. Он был брутален в бытовых общении, потаенно чувствителен и добр. Привез из какой-то экзотической поездки изумительную коллекцию бабочек, собрал больше ста разнообразнейших скульптурок слонов, выставив их верени-

цей на шкафу, по-детски гордясь своими приобретениями. Он и романсы пел под гитару с особой мужской проникновенностью.

Он рано начал рисовать, и отец решил, что лучший путь для сына - стать художником. Юрий Копейко окончил Московскую среднюю художественную школу, а в 1959 году - графическое отделение Московского полиграфического института, где диплом - гравюры к «Братьям Карамазовым» Ф.М. Достоевского - защищал у руководителя курса, профессора Андрея Дмитриевича Гончарова.

Копейко оказался прирожденным графиком и книжником, быстро вписался в детскую книгу, где ему было интересно выражать в цвете свое отношение к природе и ее формам. За двадцать лет он оформил более ста книг, стал членом Союза журналистов и Московского Союза художников, получил звание «Заслуженный художник РСФСР».

Юрий Васильевич жестко строил конструкцию формы, создавая выверенные пластические композиции, насыщая их романтическим звучанием. Именно ему, и никому другому, поручали в «Малыше» книги на героические темы, столь решительно исчезнувшие ныне. Дети наши остались без патриотических идеалов, без зримых образцов подвигов, а Копейко надолго отдался живописи.

А тогда, в 1960-80-е годы, подвиги папанинцев, челюскинцев, Чкалова, героев Великой Отечественной войны, а потом первых космонавтов он буквально воспевал, и делал это с каким-то мальчишеским азартом. Художник выступил как свидетель космической эпохи. Он многократно посещал космодром Байконур, зарисовывал ночные и дневные запуски ракет, невероятные особенной красотой и мощью. Он был подкупающе достоверен, документально точен в своих иллюстрациях и впечатляющ эпическим размахом. Незабываемая картина приземления космонавта, найденность образного хода. Впечатляющий, символический образ!

Можно с уверенностью сказать, что только Юрий Васильевич, и никто другой, с такой победительной силой рисовал космонавтов и взлеты космических ракет. Недаром был удостоен звания действительного члена Академии космонавтики.

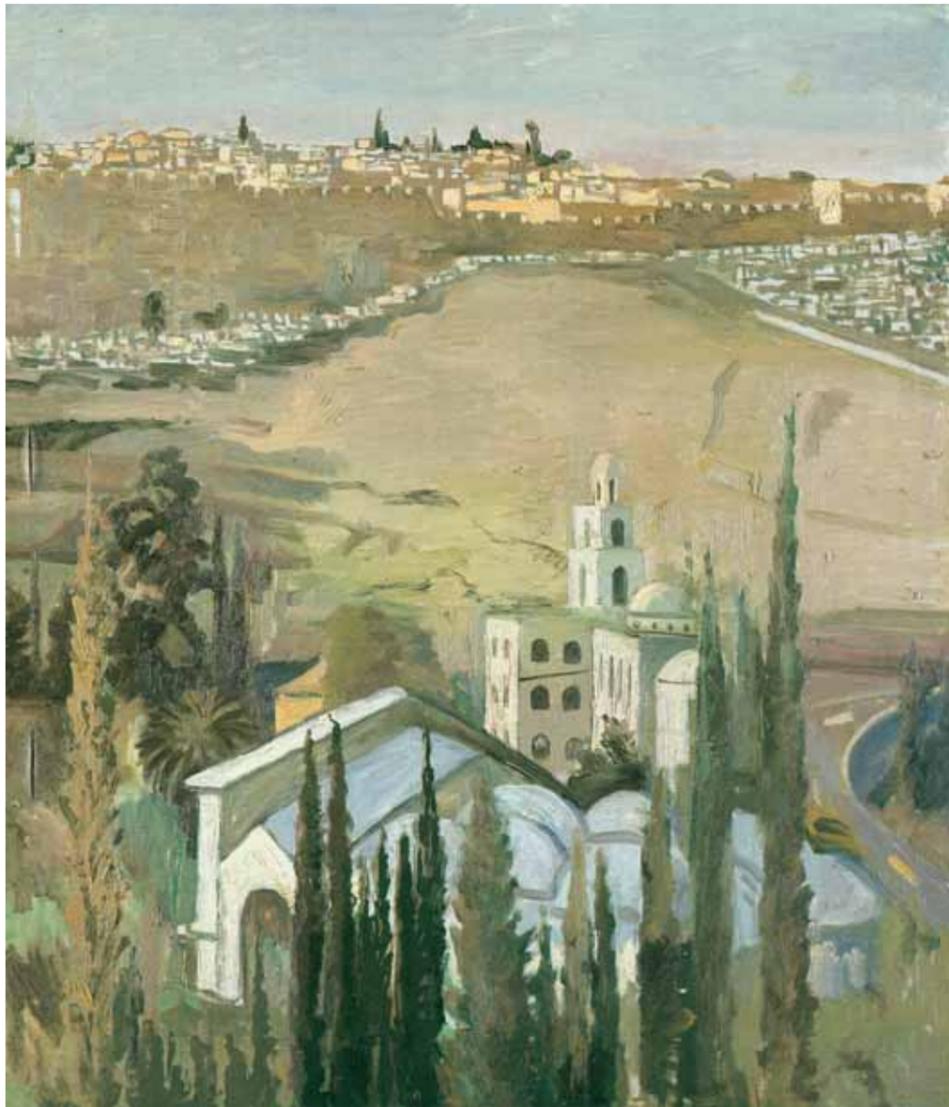
Но его манили и пейзажи, прежде всего, русский Север. Я думаю потому, что ему близки были мужественные характеры поморов, лаконизм и простота природных форм, геометрия суровых северных построек.

«Наконец лес раздвинулся, и мы увидели сказочной красоты деревню. По безлесной горе поднимались вверх ряды домов. Они сходились у шатрового деревянного храма». Можно увидеть этот пейзаж в книге Феликса Льва «У самого Белого моря».

«Русский Север навис над Россией на десять тысяч километров - от Кольского полуострова до Чукотки. Красота этих мест всегда восхищала художников и поэтов, Красивее этих мест для меня нет, хотя я побывал в тридцати шести странах и видел очень многое».

Рисунки автора этих строк убеждают. Копейко иллюстрировал много детских книг о Севере, шесть из них собраны в сборник «Северное сияние». В 2008 году он издан «Московскими учебниками».

В 2009 году на Всероссийском конкурсе

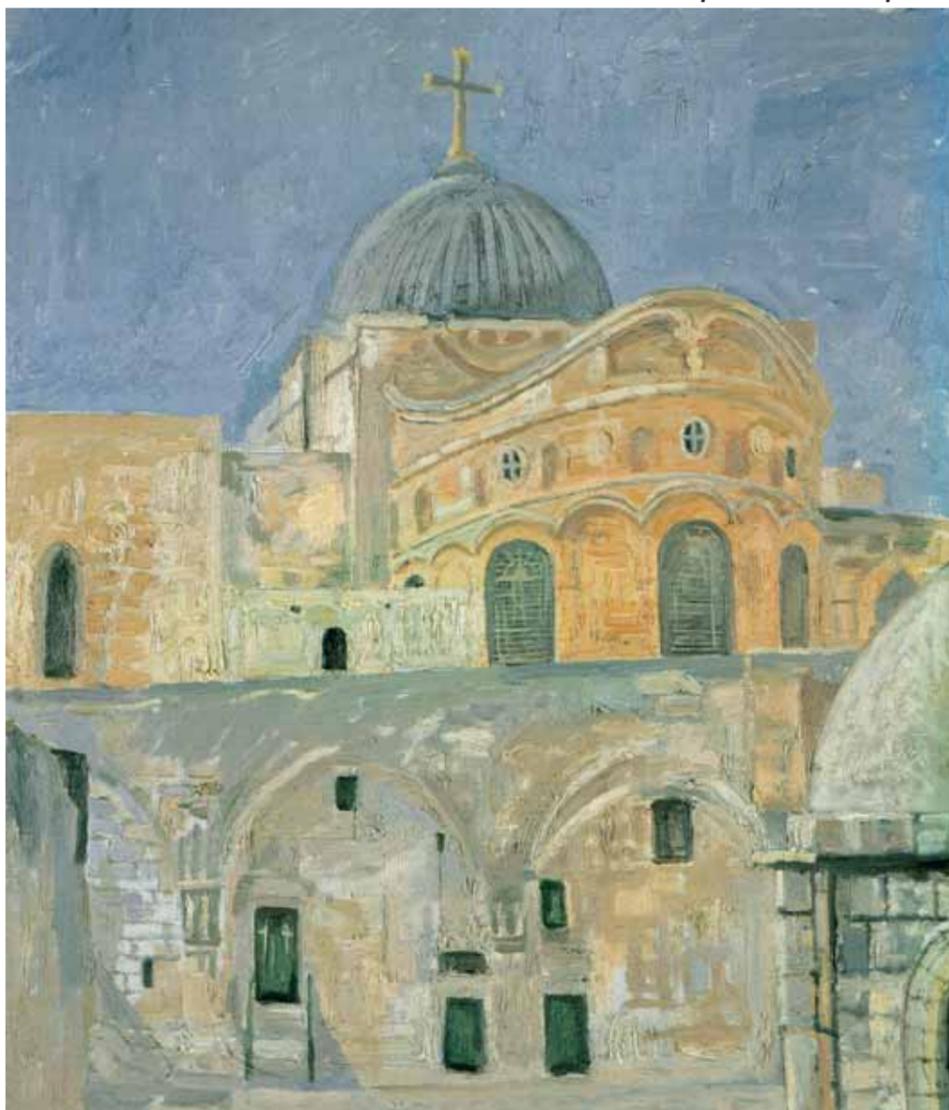

"Гефсиманский сад". 1999

«Искусство книги» в номинации «Лучшая другая работа Юрия Васильевича, за которую он получил Золотую медаль Академии художеств. Это «Белый пудель» А. Куприна. Полагая, что истина содержится в природе, он не считал нужным опираться на свою фантазию и поехал в Крым, где прошел по местам, описанным Куприным.

Поразительна образным решением и Мне кажется, что в суровых скалах, в

Продолжение на стр. 4 >>

"Храм Гроба Господня". 1999

ПАМЯТИ МОЕГО ДРУГА - ЮРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КОПЕЙКО

Полвека прошло, как мы закончили вместе Московский полиграфический институт.

Полвека прошло, как возник "Звёздный городок", где Юрий Васильевич давно стал своим, где состоялись его выставки.

Но помнится, как ещё студентами ходили на этюды. Было это в Тимирязевском парке. Юра был неистов в работе, часто в трудные минуты говорил любимое: "Охота - пуще неволи". Он вообще любил краткость выражений, поговорки, употребляя их метко и вовремя.

Вспоминаются совместные поиски первых издательских заказов, а это было непросто.

Юру отличало одно важное качество - он вы-

бирал нелёгкий путь, нелёгкое начало.

Вскоре он стал печататься, сначала в журнале "Юность", потом в книге. Лирик, легко ранимый, тонко чувствующий деревья, природу, сам воздух, атмосферу.

Юрий Васильевич посвятил себя главному в своей творческой жизни - звёздному небу и людям, проложившим к нему путь.

По сути дела, своими работами он шёл сразу после Юрия Гагарина, Германа Титова, Сергея Павловича Королёва.

Постоянно думая, осмысливая происходящее, он по-своему освоил Космос, выразил и создал свой космизм. Ещё две с половиной тысячи лет назад греческая поэтесса сформулировала кратко это желание: "Мне нетрудно достать до неба".

Он достиг неба.

Эта страсть породила свой почерк, свой стиль - строгая документальность сочеталась с фантазией, мечтой, "мужественным лиризмом".

Двадцать пять крупных полотен на его выставке в Академии художеств были крепко скомпанованы, едины в строгом и экономном распределении не только цвета, но и тона. Была создана космическая скита, она едина, но и каждое полотно живёт своей отдельной жизнью.

Теперь он был..., но был и остаётся единственным монополистом среди художников, художником Неба, космических полётов.

Мысленно, в своих фантазиях он многократно побывал там, в Космосе...

Творил и работал он страстно, много успел, много оформил книг, журналов, вел большую общественную деятельность, объездил полмира, во многих странах были выставки его работ, в том числе и живописи. Это всё впечатляет.

Судьба нас соединила и после окончания института. Мы жили под одной крышей на Новорязанской улице. Рядом - Елоховский собор. Мы часто посещали его - на Пасху, Троицу... Юра любил Собор, свою улицу, свой дом.

Он был предан в дружбе, интересовался, кто над чем работал, хвалил и поддерживал, если нравилось сделанное, - редкость среди худож-

ников.

Земля, забрав его и остановив, оставила нетронутым его большое наследие - иллюстрации, рисунки, книги, картины.

Осталась память о нём, и задача живущих - достойно оценить оставленное им на Земле.

Сейчас над ним огромное небо, небо со звёздами и вечный покой.

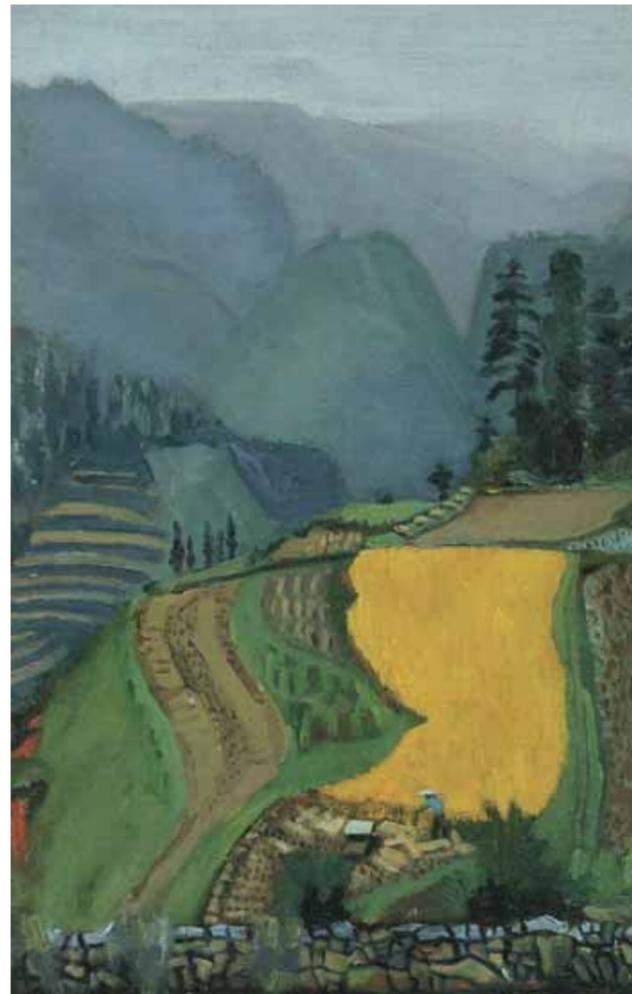
Как говорится, до встречи на небесах, Юрий Васильевич!

Спасибо за то, что ты был среди нас!

Леонид Бирюков

"Вид с балкона. Китай". 2002

"Рисовое поле. Китай". 2002

НИКТО, КРОМЕ НЕГО (ОКОНЧАНИЕ)

древних, как мир, природных формах - во всяком случае, такими они воспринимаются в его рисунках, - художник почувствовал купринский сюжет как вечный. Вечный сюжет о бродячих артистах с их гордостью и достоинством, не принимаемых сытыми и равнодушными. Недаром маленький гибкий акробат будто сошел с античной фрески. И вся история стала притчей, рассказанной, прежде всего, через картины природы.

В 1990-е годы Копейко целиком посвящает себя живописи. Пишет пейзажи средней полосы России, наблюдая за течением времен года в какой-нибудь скромной деревеньке. Создает цикл «Круговорот». В сдержанных четких цветовых пятнах, доведенных почти до абстракции, изображает повседневную жизнь нашей неказистой деревни, такой для нас поэтичной и дорогой. Он ищет правду времени.

Недаром Юрий Васильевич так ценил живопись Андрея Владимировича Васнецова, справедливо считая его лучшим русским художником второй половины XX века. «Васнецов в монохромных картинах выразил трагизм эпохи», - говорил Ю. Копейко.

Живописная интонация художника изменилась, когда он поставил мольберт в

дачном саду. Цветочная клумба, взлелеянная Галиной Александровной, - это образ самодостаточности семейного мира. Особенно звучна живописность картины "В моем саду" на фоне густых черных пятен, оттеняющих ее гармонию.

Окончательно «светлой» живопись Копейко стала после того, как он побывал на Святой земле. Он писал с натуры «Церковь Святой Марии Магдалины», «Гефсиманский сад», «Гора искушений», «Море Галилейское. Тиберия», «Храм Гроба Господня», «Гробницы древних пророков», - не всякий светский художник способен выразить мистический, потаенный смысл святых реликвий. Видимо, Копейко был готов к такому осмыслению. Его картины религиозны, они пронизаны светом, излучают мягкий благодатный покой. Недаром одно из произведений художника «Преображение», работе над которым он посвятил несколько лет, находится в Отделе внешних сношений Данилова монастыря.

А весной прошлого года народный художник, действительный член Российской академии художеств Юрий Васильевич Копейко показал серию живописных работ на космическую тему. Он исполнил 24 картины-панно всего за восемь месяцев. Титанический труд!

Образы великих землян - Циолковского, Гагарина, Королева, Чингиза Айтматова (с изобразительным напоминанием о романе писателя «Буранный полустанок») неотделимы от содеянного ими - от космических кораблей и ракетных установок, от неба и его покорения, чему они отдали жизни. Цикл этот стал Реквиемом...

Сейчас Галина Александровна Макавеева

готовит к новому изданию по договоренности с издательством «Московские учебники» иллюстрации мужа к сборнику рассказов о Ю.А. Гагарине.

Задуманное незадолго до гибели полотном Юрий назвал «Покинутый дом», который он увидел в заросшем саду одного бывшего подмосковного имени...

Лидия Кудряцева

"Деревенский пейзаж". 2001

ПАМЯТИ ЮРИЯ КОПЕЙКО

"Начало полета". Б., кар., акв. 1987

Несколько лет назад группа художников и искусствоведов ездила от Российской академии художеств в Святую Землю. Жили в православной миссии в Иерусалиме; объездили Израиль, Палестину от впадения Иордана в Генисаретское озеро на севере до Мертвого моря на юге. Художники, мои близкие друзья – Юра Копейко, Володя Перцов, Галя Макавеева – самозабвенно рисовали, писали. Юра работал особенно напряженно, сделал ряд пейзажей, поражающих своей удивительной верностью натуре. Так точно передать цвет и, главное, свет – совершенно неповторимой, единственной в мире земли мало кому удавалось. Не сомневаюсь, там, в Святой Земле, если и не возникло впервые, то многократно усилилось тяготение художника к библейским, евангельским темам, там зародились его «Троица», «Преображение».

Но особенно близка была Юрию тема, казалось бы, далекая от религиозных мотивов, сугубо научная, техническая, «военная» тема: покорение Космоса. Техника, прежде всего, военная, военная история прошли сквозь всю творческую жизнь Копейко. Все, кто следил за нашей книжной графикой 1960-1980-х годов, помнят иллюстрации Копейко к книгам об авиации, о Чкалове, Байдукове, о первых полетах в Космос, о Гагарине... За Юрой среди художников книги так и утвердилась слава «космического художника». В те годы первых прорывов в Космос, все, в том числе и художники, были захвачены этим невероятным торжеством Человека с большой буквы. Для Юрия Копейко Космос стал личной, едва ли не главной темой его искусства.

Меня, как искусствоведа и критика, всегда не оставляла мысль: как же сопрягаются в творчестве художника эти две темы – святая «Троица» – и «Байконур» с его научно-техническими расчетами, с его людьми, прагматичными «технарями»? Можно ли найти точки соприкосновения между «Преображением Господним» и ракетными установками? Как переплетались эти темы в душе Юрия Копейко, хорошего художника, отличного рисовальщика во всем, к каким бы темам он не обращался? Кто он – «космический художник» или иконописец?

Юрий говорил о себе: «Я – дитя войны». Когда кончилась война, ему было одиннадцать лет. Для него, как для всех ребят моего поколения, добрый мир детства оборвался 22 июня 1941 года. Всё, чем привлекает волшебная сказка ребенка – борьба добра и зла, мужество и подвиги героев, романтика стреми-

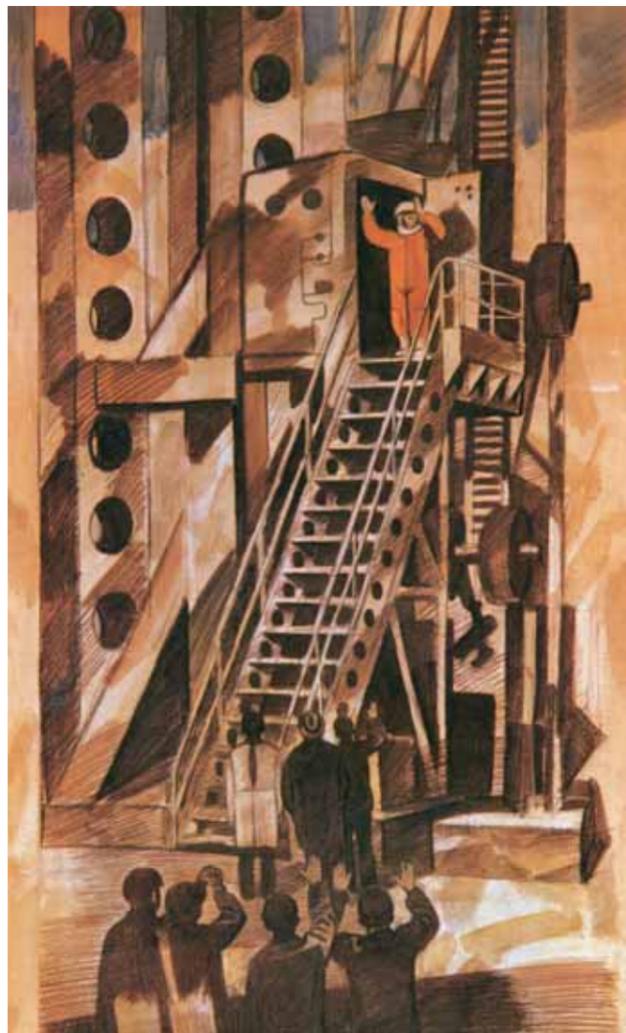
тельно развивающихся событий – всё это «вобрала в себя» война. Нам были не нужны Иваны-царевичи и Кащей Бессмертные. Осмелюсь утверждать: «сказкой» для нас, «детей войны» стала война: реальной, творющейся на наших глазах легендой, народной мифологией.

Все мы в чем-то остались детьми, сохранили до старости черты детства, оборвавшегося 22 июня... Как едва ли не большинство «детей войны», Юра Копейко так и не стал «до конца» взрослым. Зримой «сказкой», реальной легендой, самим народом создающимся мифом стали для него покорение Космоса, полет Гагарина.

Юра рассказывал: «Полет Гагарина... Конечно, это было потрясение. На меня это подействовало очень сильно именно как на художника. Я никогда не хотел быть летчиком или военным, но как художник военной темы я, конечно, был потрясен». В издательстве «Детская литература» ему заказали книгу «Гагарин. Дорога в Космос». Он сделал ее, показал Гагарину – космонавт ее подписал, и Копейко, действительно, стал в книге «космическим художником», иллюстрировал «Семнадцать космических зорь» Германа Титова, «Мальчик их Шаршел» про Адриана Николаева, потом сборники «Космонавты рассказывают», Юрия Нагибина «Рассказы о Юрии Гагарине», потом еще три книжки о Гагарине. Всего о Гагарине сделал пять книжек. Сделал несколько станковых серий на космическую тему, которые успешно прошли несколько выставок.

Когда в связи с семидесятилетием Копейко встал вопрос об его выставке в залах Академии художеств, художник счел необходимым представить на ней наряду со старыми, известными работами – прекрасными пейзажами, сделанными в Израиле, в Греции, в Гималаях, в Средней полосе России, со своими библейскими вещами и совсем новые, специально сделанные к выставке большие картины на космическую тему...

«Я вспомнил, – усмехался Юра, – что я являюсь не только действительным членом Академии художеств, но и действительным членом Академии космонавтики. Надо же как-то оправдывать это звание! Что я лучше всего знаю как художник? Я лучше всего знаю Космос. И я сделал за год огромную работу: 25 холстов, 182 на 105 сантиметров, посвященных космонавтике. У меня есть эскизы еще примерно к

"До скорой встречи!". Б., кар., акв. 1987

"Ю. Гагарин. Первый космический полет окончен". 1987

десяти работам на эту тему, но вообще-то она – бесконечна, Космос и сам бесконечность, и освоение его – бесконечный путь развития человечества и земной техники.

Такое ощущение Космоса очень свойственно нашему времени. Казалось бы, в нем преобладают сугубо земные, практические интересы и потребности – спутниковая связь, космический туризм и пр. В восприятии, ощущении Космоса правит бал современная техника, говоря словами Маяковского, «расчет суровый гаек и стали». Жесткие металлические конструкции – никакой живописности и красоты цвета, никаких «настроений»... Именно такой суровый, военный Космос, суровые военные люди встают в картинах Копейко – великие ракетчики, которые создали нашу космическую технику. «Ведь они же создали нашу знаменитую гвардейскую «катюшу». Это – и Королев, и Лангемак, и Тихомиров, и Глушко... Все они имели отношение к военной реактивной технике военного времени, – говорил Юрий. – Я, кстати сказать, просто не успел написать картину, посвященную «катюше». Это я сделаю обязательно».

Звездные войны, смертоносная техника, угроза использования межконтинентальных ракет...

Но Космос неустанно посылает нам свои таинственные сигналы, научная достоверность переплетается с фантастикой, рождаются всё новые мифы...

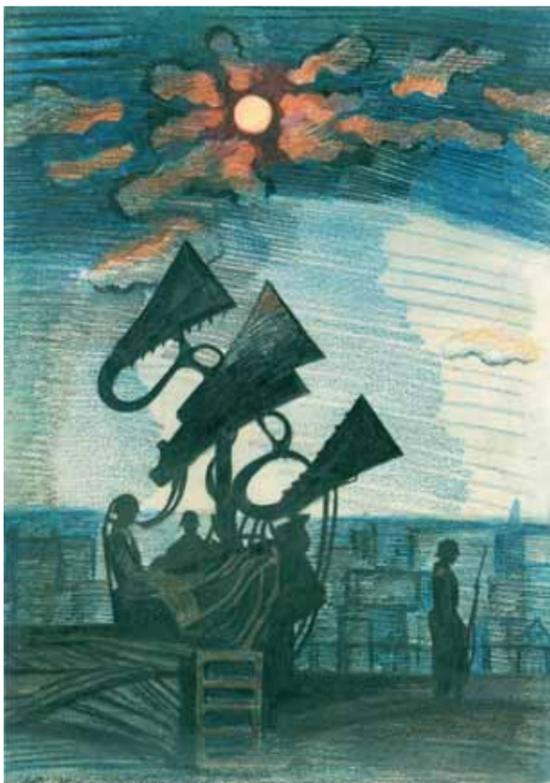
Люди обращают взоры в необъятные просторы мироздания, пытаются разглядеть, осознать, что таит в себе этот непостижимый, грозный и притягательный Космос – научно-технический прогресс или волшебную сказку; опасное торжество человеческого разума или божественное откровение...

Не в этом ли соединении несоединимого заключен ответ на мой вопрос: кто он таков – «космический художник» и глубоко верующий человек Юрий Копейко?

...Ему не довелось до конца осуществить свои замыслы, но он успел сделать очень многое. Ушел, как уходят космонавты, погиб мгновенно, как погибают люди, связанные с техникой, с машинами. И навсегда соединился со своим необъятным, непостижимым Небом.

Мария Чегодаева

ПОМНИМ...

"Прожектор". Б., кар.

Погиб Юрий Копейко... Погиб под колесами автомобиля. Мы привыкли произносить Копейко, а ведь он был Копейко' (короткое копье).

Это Копье было пущено Господом Богом 21 декабря 1933 года и разбилось о мостовую Старой Басманной улицы 5 января 2010 года. Он шел из мастерской, художник, полный планов и надежд, и был сбит в центре столицы машиной заезжего лихача.

Юрий Васильевич оправдывал свою фамилию. Он был воин.

Он воевал за правду на своих общественных постах и сделал много добра художникам не только Москвы, но и Петербурга, да я думаю, и других городов.

Он отстаивал свои взгляды на искусство в различных комиссиях и на выставках. Он сделал много прекрасных книг для детей на военную и космическую тему, что трудно и редко кому удавалось. Это был талантливый, широкий, прямой, неравнодушный человек, иногда грубоватый, но в глубине души мягкий и добрый.

Как говаривала его бабушка: «Таких, как Копейки, и на дне морском не сыщешь». Юрия Васильевича приходило проводить много народа, особенно много мужчин, что редкость в наши дни, как будто полк воинов пришел проводить своего полкового командира.

Кто-то на панихиде сказал: «Жизнь художника начинается после его смерти».

Слава Богу, наследие Юрия Васильевича находится в умных и добрых руках художников: жены Галины Макавеевой и сына Василия Копейко.

Вечная ему память!

"Война". Б., кар.

Коринна Претро (г. С-Петербург)

СЛОВО О ДРУГЕ

Дорогая Галя!

Мы, твои ленинградцы, любили Юру, и все мы с тобой и с ним - на девятой, и на сороковой. И наши свечи - у распятий Питерских церквей.

От тебя и от нас теперь зависит земное его бессмертие - бессмертие памяти и любви. Это нужно не только нам и ему, но делу русской культуры. Его путь в нашем деле и успехи поздних лет его живописи производят большое впечатление.

Всё это - в копилку реализма высокой пробы, когда образ создаёт сама пластика, а не только реалии сюжета.

Юра был человек общественный. Тут к месту была его доброта и редкое обаяние, да сочетание деловитости с его товарищеской бытовой удобностью, со всеми этими романами, анекдотами. Он умел быть не только серьёзным и значительным, но и очень забавным, и милым.

"Река Угра". 1999

Быть с ним было приятно.

Юра не умер, а погиб.

Хороший способ борьбы с вечной разлукой - не делать особого различия между мёртвыми и живыми. Так легче нести потери.

Мы все с тобой в доброй памяти о Юре.

Твои ленинградцы: Коринна, Оля, Коля, Белла, Марина, Гага, Жанна.

Николай Ковалев

"Белая ночь на Севере". Офорт. 1977

"Весна под Москвой". 1992

ДРУГ НАШ ЮРКА. СЛОВО ПРОЩАНИЯ

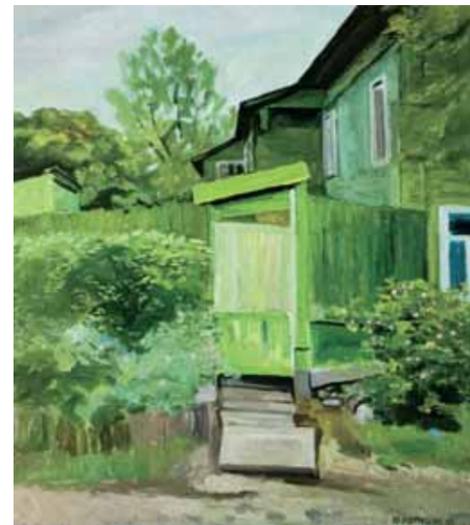
В ночь на 5 января на нас обрушилось горе: в Москве трагически погиб Юрий Васильевич Копейко, народный художник России, академик двух Академий: Российской академии художеств и Академии космонавтики.

Автор многочисленных книжных иллюстраций, станковых листов и живописных холстов.

Последняя работа, созданная в фантастически короткий срок - это 25 живописных полотен за восемь месяцев. Целая выставка, посвященная истории пилотируемой космонавтики. Мастер словно был подгоняем предчувствием своего ухода из жизни... Так свеча на исходе вдруг вспыхивает коротким, но самым ярким пламенем, прежде чем погаснуть. Такой вспышкой стала для Юрия Копейко работа над этой серией. Последняя любовь оказалась самой страстной, самой озарительной; она словно подводит черту под творческим путем великого труженика Юрия Васильевича Копейко, нашего современника.

А начиналось знакомство с Божьим миром с Русского Севера. Копейко увлекся этим удивительным краем, его суровой красотой и душевной щедростью жителей. Тема Севера нашла свой путь к сердцам поколений россиян через детскую книжку.

А потом был Восток: Китай, Индия, Памир, Тибет... всего не перечислишь. И отовсюду Юра привозил большие холсты, написанные прямо с натуры. Это был широкий

"Зеленая калитка". 2001

человек с большим дыханием и обостренным чувством великой ценности текущего момента.

Никто из художников так пристально не всматривался в небо, как Копейко. Иногда кажется, что для него небо было живым существом. Скорее всего, он был прав. Космос не спешит раскрывать свои тайны, чем он и оказался привлекательным для романтика Юрия Копейко. Ему было дано увидеть в сложнейших расчетах ученых, изучающих Космос, прежде всего, красоту, а в конструкции космических кораблей - услышать гимн человеческому гению.

Мы, друзья Юрия Копейко, никогда не забудем нашего замечательного коллегу и всегда будем хранить в памяти его улыбку, его гитару, его детское неприятие зла.

Лев Токмаков